

Новосельцева (Выгузова) Мария Максимовна

Родилась я в 1915 году в Пермской губернии, Чердынский уезд (Пермь) в Новодеревне, что в пяти километрах от деревни Керчево. Была у меня старшая сестра Анюта, которая умерла в девять лет, за ней вторым был Максим. Ему было восемь лет, когда я родилась... После еще рождались и умирали дети. Всего в семье было тринадцать детей, из них умерли девять. Девочка Дуся умерла грудной в 1918 году в Омске. Люба, младшая сестра родилась в 1924 году, за ней еще была девочка Маня в 1923 году. Они обе заболели корью, и младшая Маня умерла, а Люба выжила. Были и выкидыши. В живых осталось всего четверо детей – Максим, Маша, Люба и Гоша. Оставшимся детям в жизни досталось лиха. Тяжелое время было. Революция. Война. Раскулачивание. Колесили по стране. Сначала из России в Сибирь переехали, затем семью раскулачили и выслали.

Мама моя Елизавета Ивановна родилась в деревне Керчево, по реке Каме. Окрестили в церкви в селе Шакшер в восьми километрах от Новодеревни. Её маму звали Евдокия, а отца Иван Дмитриевич. Когда папа Максим Максимович и мама Елизавета Ивановна, поженились, то жили со свекром девять лет. Папа плотничал, на барже работал, потом устроился плотником на мельницу. По отцовской линии часто передавалось имя – Максим. Так у папы был отец Максим Елизарович.

Жили тогда все вместе дружно в одном большом доме. Пять золовок и два деверя было у моей мамы, это значит, что у меня было пять теток и два дядьки - дядя Ваня и дядя Егиша (Агей). Крестная моя – тетя Агаша имела такие длинные, рыжие волосы, как у меня. Других теток звали: тетя Дуня, тетя Маня, тетя Аксинья и тетя Арина. Тетка Арина была старше всех и уехала в Пермь. Вышла замуж за грузина, после того, как первый муж умер. Была она очень красивой, с большими глазами и длинными, черными волосами. В новом браке родила мальчика Гришу. Жили очень хорошо, дружно, отец очень сына любил. Жили они в Грузии, город Потти. После землетрясения в 1920-ом году от них писем не стало....

Золовки очень любили мою маму. За добрый, веселый характер. Вместе ходили в лес за грибами, ягодами. Собирали черемуху, бруснику, клюкву, чернику, голубику. Да все с песнями. А я в детстве очень любила тетку Маню, та была младшая, предпоследняя, роста небольшого, черненькая...

Прожив в доме свекра девять лет, мама и папа ушли жить к мельничихе Евдокии Петровне. У неё было двухэтажный дом. Папа стал работать у неё мельником, а мама помогала по хозяйству. Уедет Евдокия Петровна в Пермь закупать товар для лавочки, а вместо себя оставляет Елизавету. Бывало и целый месяц не приезжает. Доверяла своим работникам, верила в их честность. Уедет, а маме велит лавочку открыть и продавать сушки да кренделя. Вещей дорогих, да золотых, цепочек, да безделушек у хозяйки было много. Да неаккуратная была она. Мама и убирала все, боялась потерять. Двери- то не запирались. Бывало, привезет Петровна из Перми кашемира, он дорогой был, по пятьдесят-шестьдесят копеек за метр, и дарит Елизавете за её труды. Одежды было много у мамы. Шали, полушалки, подарки. Потом, когда семью раскулачили, мама часто вспоминала, сколько всего было потеряно.

В 1918 году Выгузовы от мельничихи ушли. И собрались двадцать семей ехать в Сибирь. Новые земли искать. Петровна тоже просилась с ними, но папа сказал: «У тебя есть сын, как же ты с нами». У Петровны был сын в Перми, но она с ним была не в ладах. Поехали на трех больших лодках. Бурлаки повезли их в уезд. Солекамское (Усолъе) в Пермь, а оттуда по железной дороге, в телячьих вагонах до Омска. Пока ехали на мужиков были облавы, их забирали на войну. Во время

облавы мужиков наряжали в платки, кофты, юбки, брили и прятали. Так и спасали. Приехали в Новониколаевск (Новосибирск), две недели ехали из Омска до Кольчугино (Ленинск). Еще больше стали облавы. Очереди за кипятком, за хлебом, все в военном.

Папа приносил хлеб подовый, матушке кренделей и масло импортное, тесто дрожжевое. Деньги-керенки, мешками были.... Нас в семье уже было трое. Похоронили в Омске девочку грудную Дусю, отпевали в церкви. Очень красивая была церковь, вся в золотых иконах... Красивый город был, кружевной, двухэтажные дома в Керчево. А в Сибирь приехали – там одни землянки, на них полынь. А внутри все чисто. Красиво, перины пышные, подушки. Ночевали в такой землянке. Потом отъехали и в пятидесяти километрах дали нам землю в селе «Дунай Ключ». Тридцать дворов построились. Занимались хлебопашеством. Дали земли много и хорошей. Не то, что в России. Там земли было мало, и давали только на мужиков, а у папы пять сестер. На девок не давали. Земля в России была неурожайная, скотины мало было, жили бедно.

А в Сибири земли дали много. Травы хорошие. Хлеба хорошие, покосы. В России не было столько цветов, сколько в Сибири. Еще в поезде удивлялись бабы цветам. Как остановка - выбегали и полное беремя набирали. Ехало много старых дев, лет по тридцать... Потому что парни землю получают, оставляют родителям, а сами уезжают на заработки. Девкам не за кого было замуж, оставались одни.

При переезде потеряли багаж. В Омске. И пошли в найм к сибирякам (чалдонам). Платили хорошо. Мужу 1,5 пуда за день муки, а бабе – 1 пуд. За день работы. Максим, брат мой, рано пошел работать - в тринадцать лет, возил копны на лошадях. Потом получили свою землю, засеяли. Папа пошел мельником в село Уроп к богатому мельнику. Тот платил по три-пять мешков муки.

1919-1922 года были неурожайными, голод, хлеба выгорали. Голая степь. На базар едешь пятьдесят километров. До Ленинска. А в Уропе и лес был ближе, в двадцати пяти километрах от села. Тайга, колба, шишки, горы. Уголь добывали, шахта была. Своедельская её называли. Сами, кто сможет, сколько набрать, накопать. Тридцать шесть дворов в деревне, все голодают. Голод страшный, везде контроль. Выпишут талон отцу, а он привезет пудов десять муки и говорит маме: «Всем давай, кто попросит, не жалея, корми деревню». Придут кто с чашкой, кто с чем... Всем мама давала, кормили всю деревню.. В 1925 году папа ушел от хозяина и решил строить свою мельницу. Хлеба стали хорошие, решили все помочь строить мельницу. Свою выгоднее иметь, не ездить далеко. Запрудили пруд. Купил папа жернова в городе Гурьевске и сорок километров вез на двух лошадях. Поставили весы на цепях. Ребяточки бегали качаться на них. Гири в обхват были. Однако не оправдала себя мельница. В 1927 построили её, а в 1928 образовалась за рекой коммуна «Восьмое марта». На Максима Максимовича налоги наложили. Чтоб государству хлеб сдавал. Налог большой. Приехала из коммуны тройка: председатель, секретарь и уполномоченный. И стали говорить: «Выгузов, заходи в коммуны». Мама согласилась, а папа нет. Мама плакала: « Ох, старик, старик, детей- то сгубим. Пойдем в коммуны». А папа ни в какую. Председатель и сказал: «Ну, Выгузов, пойдешь в ссылку, вшей кормить». Отобрали мельницу и дом. Жили в бане. Забрали в коммуны почти всю живность: две лошади, гусей, шесть овец, быка, корову. Три ведра молока давала корова. Здоровая, красно-бурая, заводская. За пятьдесят рублей её покупали. Две лошади остались и телеги. И поехали в ссылку на них Выгузовы. Было это после пасхи в мае.

Мужик, который вез и говорит папе: «Охраны нет, у тебя есть справка, что ты середняк, доедешь до Гурьевска, лошадей бросишь, отсидишься это время». А папа - честный, не послушался его,

поехал. На станции все и забрали, а нас погрузили в вагоны товарные битком – в Томск и до Черемошек не открывали почти. Приехали. Кругом вода, паника. Погрузили в большие баржи, в трюмы глубокие.

По реке плыли весело. Так запомнилось. На палубу выходили, плясали под гармошку. Богачей много было, а мы среди них, как белые вороны. Выгрузили на остров Баранакровский по ту сторону Оби. Холодно, голодно. Вымирили дети, старики. Устроились в стойле - нужнике. Вычистили, там и жили. Грелись у костра. Так две недели. Стали давать муку. Бланду из неё делали. Понос. Рвота, болезни... Хоронили в тряпках. Мы выжили, потому что папа велел воду пить только кипяченую. Кору пихтовую варили и пили этот отвар.

Через две недели опять погрузили всех в железную большую баржу «Мельник». Народ был с трех районов. Плыли по речке Чае. Шла она криво, возвращалась, петляла. Душно в трюме. Везли долго. Привезли в район Усть-Бакчар, на речку Бакчар. По ту сторону, чтоб не убежали. И река большая, и на чем переплывешь... Сосланные раньше – черные были, все оборванные. А у нас запасы еще кой-какие были, сухарики. Мама давала. А папа говорил: «Не давай. Нам-то никто не даст, у нас дети, их пожалей». Я спросила: «Папа, что все черные?» Он сказал: «От голода, дочка. Поживем недели две, запас кончится, и мы такие будем».

Жили две недели. Потом повезли в поселок Парбиг, плыли к нему по реке Парбиг. Там сделали шалаш. Пила и топор с собой были. Сказали: тут будете жить. Только устроимся, опять снимают, в другое место везут. В Киселевске два месяца жили. Папа плотничал, очень хороший плотник был. Комендант его уважал.

А меня в пятнадцать угнали на речку Галку, черного цвета она была – от деревни Селивановка на корчёвку. Есть нечего, одна ложка крупы, одна ложка соли, хлеб четыреста граммов на день. Исхудали. Девчонки все из деревень рядом, кто что принесет - из Малиновки, из окрестных деревень лепешки. А у меня ничего....

Работали все лето и осень. Май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь. То лето теплое было. Жили в шалашах. Но осенью холодно стало. У всех полно вшей. Баня была один раз за все время. Но у меня вшей почему-то не было. В бригаде двенадцать девчонок было. Комендант злой. Отправил нас в тот день дорогу чистить ломом. А накануне я сон вижу: мама шаньги печет и молоко с пенкой вытаскивает из печи, которая топится... Жарко. Сели отдыхать, я Зойке – подружке своей, сон рассказываю. А та и говорит: - Кто-то придет к тебе.

А родители тогда жили в деревне Крыловке, рядом с Киселевском. Они уже потеряли меня. И мама пошла искать. Комендант дал ей пропуск и она собралась в дорогу. В триста километров. Сказала: «Живу или мертва, а найду её». Только я сон свой рассказала, вдруг видим вдаль – женщина идет. Я не узнала сразу... А та, как бросится ко мне. На колени упала «Живу ведь я тебя, доченька, застала...». Где обозом, где пешком добиралась до меня, триста километров...

А я уже два раза в побег ходила. Трое собрались: сестра с братом и я с ними. И подались в ночь. Прошли двадцать пять километров. Кругом на дороге конвои. На Высокояре большой мост, на нем стража и арестовала. Хлестнули плетью, погнали в амбары. Переночевали и опять погнали обратно в Чернышевку. И штрафную - десять суток ареста, триста грамм хлеба и под конвоем. Только отбыли, опять бежать. Поймали. Двадцать пять суток уже дали...

Тут и мама пришла. А иначе опять в побег бы пошли. Бригаду направили на дорогу. Мама в шалаше осталась. Замерзла очень. Октябрь уже был. Спали на шабуре (рогожа) и накрывались

тоже им. Стали обедать, я говорю бригадиру «Я пойду в медпункт во время обеда». За больных никого не принимали, работали все. А больные валялись, умирали на дорогах. В мухах так и лежали. А я пошла к коменданту, а не в медпункт. Прорвалась к нему и говорю: «Гражданин комендант, мне нужна зимняя одежда, можно пойду в поселок?» – «А придешь обратно?» Как не прийти. Выписал пропуск на восемь дней, хлеб – две булки подовых и крупу.

С мамой поели и отправились... Солнце уже было низко, прошли двадцать километров, ночевали в Панычево. На второй день идет обоз в двадцать пять лошадей с бричками - здоровые такие телеги. Присоединились к ним. Где пешком, где сидя. Доехали до Высокояра. А там обоз завернул. А нам дальше. Набирали в огородах, просили оставшуюся мелкую капусту. Жадовали, боялись голода. Я простыла, заболели руки, желтые пузыри на руках.

Приехали домой, а папу с бригадой отправили в Усть-Бакчар на строительство. Участковый был знакомый, а на пайку не поставил меня. Как мать ни просила. Переночевали, а в следующий вечер пошли с Гошей, младшим братом по просеке - к папе, двадцать пять километров. Свечерело. Увидели колодину, легли так, чтоб запомнить куда идти. Один с одной стороны, другой - с другой. Утром проснулись, а рядом следы от медведя - катышки. Сидели на берегу речки. На пароме грузили большие обозы. Пришел небольшой обоз. И мы тихонечко с этим обозом – на ту сторону. Нашли папу. Он поставил нас у коменданта на учет, получил паёк. Сухую рыбу наварили. Наелись хлеба. Спали на отцовой стройке. Днем работали, носили землю, опилки, строгают тес с Гошей. Мне пятнадцать тогда было, а Гоше двенадцать всего лет. Отец жалел нас: «Отдохните, ребята».

Потом повезли семьи в Усть-Бакчар. Разрешил комендант семьям из бригады плотников. Ехали на плотах с неделю в октябре по реке Чае. Максим, старший брат, уже женат был на Тане, та с грудным ребенком. Приплыли, расселись, построили землянку...Опять папу отправили в Подгорное плотничать. Опять мы помогли ему. Спали на стройке, на пакле.

Потом открепили от комендатуры. А документов еще не было. Максим уже служил в армии и стал писать в разные места. Рассмотрели, что мы незаконно высланные, что были середняками. Пришли и документы. Но уже прижились, куда обратно ехать? Жили тогда в поселке Табоге, а работали в селе Подгорном. Речка там такая же протекала Табога. Я устроилась посудницей в аптеке. Уже вольные были. Получили годовые паспорта. Поехали в Томск. Но остановились в Колпашеве.

На Табоге продали времянку – избушку. Печка русская, три окна, пол настеленный. За семьсот рублей. В Колпашеве все стали работать. Все стали стахановцами. Папа с Максимом плотничали, а Гоша был пекарем. Люба, самая младшая, в школе стала учиться. Хлеба вволю. Мама радовалась и плакала: «Думала, не доживу до того времени, когда хлеб на столе остается». Рыбачили. Рыбы было много. Полный невод вытянем, сушим, солим. Всю зиму с рыбой. Уважали нас, премии давали. По десять метров материала. В магазинах было, но только за пушнину. Летом всегда много рыбы. Большая, икрная. Жарили икру, молоку. Отправляли нас за сто пятьдесят километров в деревню Инкино, обрабатывать рыбу. В юртах остяцких. Большие амбары там стояли. Засольный пункт. И так до осени. Летом работали. А зимой - в прислуги, в домработницы. Зимы три пробыла в домработницах...Так и жили. Но это было уже счастье. Потому, что вольными стали... И не надо было нигде отмечаться...И жить стали все на одном месте...